

Научная статья

УДК 343.97

EDN NGIKRE

DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).13-21

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ

И.С. Ильин^{1, 2}¹ Управление Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

9 января 2023 г.

Дата принятия в печать

21 февраля 2023 г.

Дата онлайн-размещения

13 марта 2023 г.

Ключевые слова

Протест; последствия; деликт; предупреждение; преступление; право; криминализация; ответственность; преюдиция

Аннотация. В данной статье раскрывается механизм реализации превентивной функции охранительных норм права, которая, будучи относительно самостоятельным феноменом, не изолирована от упорядочивающего воздействия регулятивных норм права.

Регулирование и превенция образуют единый комплекс методов правового воздействия на общественные отношения. Однако охранительные нормы административно-деликтного и уголовного права обладают свойством «вторичности», они производны от положений регулятивного права, строго следуют за ними и поддерживают их упорядочивающий потенциал.

Механизм подключения превентивных возможностей охранительных норм права при этом имеет линейный и последовательный варианты в зависимости от степени общественной опасности правонарушающего деяния, криминологических данных о кумулятивном эффекте причиняемого вреда и нарастающей антиобщественной активности личности правонарушителя.

Условием эффективной реализации превентивного потенциала охранительных норм права в предупреждении демонстративно-протестной преступности выступает совместность и последовательность применения мер административно-правовой и уголовно-правовой ответственности, надлежаще согласованных с предписаниями регулятивного законодательства.

Непосредственная зависимость правовой реакции государства на угрозы, которые объективно возникают в процессе реализации лицами, являющимися гражданами Российской Федерации, своих прав на свободу собраний и свободу выражения мнений, от характера и содержания этих угроз закономерно подводит нас к обсуждению вопроса о том, в каких ситуациях государство может воспользоваться уголовно-правовыми средствами реагирования на опасность, а в каких ему достаточно ограничиться средствами административно-деликтными. В более общей постановке это вопрос о разграничении преступлений и административных проступков, который проявляет себя как на этапе установления ответственности, так и на этапе ее реализации.

Original article

DISTINGUISHING BETWEEN CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES COMMITTED DURING PROTEST ACTIONS

Ilya S. Ilyin^{1, 2}¹ Department of the Russian Ministry of Internal Affairs in Krasnogvardeisky District of Saint Petersburg, Saint Petersburg, the Russian Federation² Northwestern Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2023 January 9

Abstract. The paper describes the mechanism of implementing the preventive function of protective legal norms, which, being a relatively independent phenomenon, is not isolated from the systematizing influence of regulative legal norms.

Regulation and prevention together form an integrated complex of measures of legal

Accepted
2023 February 21
Available online
2023 March 13

Keywords

Protest; consequences; delict; prevention; crime; law; criminalization; responsibility; prejudice

influence on public relations. However, the protective norms of administrative-tort and criminal law are «secondary», they are derived from the clauses of regulative law, follow them strictly, and support their systematizing potential.

The mechanism of using the preventive potential of protective norms has a linear option and a sequential one, depending on the degree of public danger of an illegal action, the criminological data on the cumulative effect of the damage inflicted and the growing anti-social activity of the perpetrator.

The condition for the effective use of the preventive potential of protective legal norms to prevent demonstration-protest crimes lies in applying measures of administrative law and criminal law liability together in a consistent manner, and duly coordinating them with the prescriptions of regulatory legislation.

The legal reaction of the state to the threats that objectively arise when the citizens of the Russian Federation exercise their right to the freedom of assembly and speech immediately depends on the type and content of these threats, and logically leads to the discussion of the situations when the state can use criminal law measures to react to the threats and the situations when the administrative-tort measures are sufficient. In more general terms, this is an issue of distinguishing between crimes and administrative offences, which arises both at the stage of establishing responsibility, and the stage of its implementation.

Непосредственная зависимость правовой реакции государства на угрозы, которые объективно возникают в процессе реализации лицами, являющимися гражданами Российской Федерации и наделенными, согласно Конституции, правом на свободу собраний, а также имеющими правомочие на свободное выражение своего мнения, от характера и содержания этих угроз закономерно подводит нас к обсуждению вопроса о том, в каких ситуациях государство может воспользоваться уголовно-правовыми средствами реагирования на опасность, а в каких ему достаточно ограничиться средствами административно-деликтными.

В более общей постановке это вопрос о разграничении преступлений и административных проступков, который проявляет себя как на этапе установления ответственности, так и на этапе ее реализации.

Надо признать: отечественная наука, с одной стороны, едина во мнении, что различия между преступлением и административным правонарушением связаны с их общественной опасностью, но, тем не менее, если рассмотреть данный вопрос с другой стороны, можно констатировать, что так и не было выработано универсальных, верифицируемых критериев оценки и разграничения опасности различных правонарушений. Опасность (ее наличие и параметры) во многом остается категорией оценочной, а анализ опасности — не столько технологической, сколько политико-правовой и политической проблемой [1, с. 342–364].

Некоторые исследователи, как известно, пытаются решить проблему разграничения преступлений и административных правонарушений на основе утверждения о том, что обще-

ственная опасность присуща исключительно преступлениям [2, с. 135; 3, с. 149]. К примеру, Е.В. Кобзева утверждает, что круг общественных отношений, охраняемых уголовным и административным правом, не должен совпадать. Административные правонарушения, по ее мнению, сводятся лишь к формальному нарушению установленных правил поведения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления и не порождают опасности для материальных общественных отношений [4, с. 212].

Однако правила поведения, о которых говорит Е.В. Кобзева, существуют не сами по себе. Их цель — упорядочить поведение людей для обеспечения спокойного и безопасного их взаимного существования. Следовательно, любое их нарушение в той или иной степени причиняет вред или создает угрозу причинения вреда общественным отношениям, иными словами, представляет собой деяние общественно опасное.

В том числе по этой причине в противовес изложенной позиции специалисты, на наш взгляд, вполне обоснованно отмечают: существующее на сегодняшний момент допущение, что в проступках отсутствует общественная опасность, делает границы понятия правонарушения довольно размытыми и игнорирует, что правонарушения и преступления имеют одну и ту же природу социального характера, что часто приводит к произвольному применению санкций в отсутствие установления реальной вредности конкретного правонарушающего поведения [5, с. 138].

Отсюда — позиция многих специалистов, состоящая в том, что преступление и админи-

стративное правонарушение следует различать исходя из качественно-количественных изменений, которые то или иное деяние повлечет для общества. Так, Л.В. Лобанова считает, что в рамках криминализируемого деяния уровень интенсивности и оперативности его отрицательного влияния на общественные связи очень высок и представляется совершенно очевидным, что требует от государства применения именно уголовно-правовых средств [6, с. 129].

Оценка общественной опасности деяний, сколь бы сложна и субъективна ни была эта деятельность, не является невыполнимой задачей. Давно признано, что общественная опасность какого-либо деяния как объективно-субъективная категория определяется всеми признаками совершенного правонарушения — объектом, деянием, последствиями, мотивами и т.д. При этом, как отмечено Конституционным Судом РФ, криминализация любого правонарушения напрямую связана непосредственно с составлением состава правонарушения. В свою очередь, системообразующими элементами состава выступают «объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона». При этом предполагается, что признаки преступной общественной опасности могут быть не у всех элементов, а лишь у отдельных из них.

Так, уровень общественной опасности может обуславливаться накапливаемым со временем эффектом посягательства противоправного характера на конкретные охраняемые государством отношения, выступающие в качестве объекта преступного деяния, либо зависеть от времени, места, способа его совершения и совокупности наступивших последствий (объективной стороны преступного деяния), а также от формы вины, мотивации, целей действия противоправного характера (субъективной стороны)¹.

Следовательно, критерии оценки опасности деяний и, соответственно, разграничения преступлений и административных правонарушений наполняются конкретным содержанием применительно к каждой конкретной правовой ситуации. Не может быть единых показателей опасности для всех без исключения правонарушений, но в каждой отдельной ситуации эти показатели вполне могут быть установлены и описаны.

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : постановление Конституц. Суда РФ от 10 февр. 2017 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

При оценке потенциала общественной опасности деяния, как верно отмечают юристы, «всегда принимается в расчет содержание охраняемого законом блага, которое ставится под угрозу, интенсивность посягательства на него (включая особенности деяния, его способы, форму вины, мотив и пр.), а также содержание и объем вреда, который причиняется или может быть причинен в процессе посягательства» [7, с. 101].

Рассматривая под этим углом зрения номенклатуру и содержание составов административных правонарушений и преступлений, а также санкции за их совершение, нельзя не отметить, что опасность некоторых деяний оценена законодателем не вполне корректно. При этом в науке закономерно высказываются противоположные позиции по поводу данной оценки, predetermined по большей части субъективными политико-идеологическими позициями авторов. К примеру, Т.М. Храмова по причине некорректного, по ее мнению, отражения в нормативно-правовых актах уровня угрозы собраний мирного характера по отношению к обеспечению общественного порядка предлагает смягчение санкций, предусмотренных ст. 20.2, 20.2.2 КоАП РФ, ст. 212.1 УК РФ, которые регулируют порядок проведения мероприятия, предполагающего массовое участие граждан. Т.М. Храмова считает, что необходима минимизация регулятивных ограничений, которая должна привести к уменьшению объема прогнозируемых в связи с этим правонарушений [8, с. 16]. Противоположной точки зрения придерживается Д.А. Коротченков, полагающий, что требуется совершенствовать меры административно-правовой ответственности за совершение нарушений в области проведения и организации мероприятий, предусматривающих массовое участие граждан, и ужесточать санкции, вводить в нормативно-правовые акты дополнительные составы правонарушений [9, с. 9, 20].

Заметим: контент-анализ научной литературы показывает, что многочисленные предложения о необходимости расширения спектра административно-правовых запретов являются общим трендом. Так, юристами предлагается, например, установление административной ответственности за провокационные действия и (или) действия, которые могут быть рассмотрены в качестве подстрекательских, преследующие своей целью нарушение установленного нормативно-правовыми актами порядка организации или проведения мероприятий, нося-

щих публичный массовый характер [10, с. 11], за организацию массовых собраний, которые могут стать причиной нарушения функционирования общественного, частного транспорта, препятствовать работе организаций или которые потенциально могут быть угрозой безопасности, обеспечению общественного порядка либо создавать такую угрозу, или за участие в данных мероприятиях [9, с. 9, 20], за привлечение лица, не достигшего совершеннолетия, к организации, ведению мероприятия публичного характера за денежное вознаграждение и участию в нем, за вовлечение данных лиц в пропагандистскую, агитационную деятельность, продажу атрибутики с нацистской символикой или символикой, имеющей сильную схожесть с ней до уровня смешения [11, с. 10], за выступление на массовом мероприятии на любом из иностранных языков, а также в маске, не позволяющей рассмотреть лицо [12, с. 9], за подготовительные мероприятия, преследующие своей целью групповые нарушения правопорядка при проведении мероприятия публичного характера [13, с. 7].

Не углубляясь в дискуссию по поводу высказанных предложений, заметим в порядке общей критики, что: 1) суждения о достаточности или недостаточности, излишней жесткости или излишней либеральности имеющихся средств правовой ответственности за проявления демонстративно-протестной преступности не могут детерминироваться идейными позициями исследователей, они должны опираться на анализ реальной криминологической обстановки; 2) рассуждения о пополнении номенклатуры составов административных правонарушений или преступлений не могут быть изолированными друг от друга, поскольку это единый и взаимосвязанный массив публичных правовых запретов; 3) предложения о совершенствовании охранительных норм уголовного и административно-деликтного права должны опираться на реалии существующей системы запретов и отталкиваться от общей проблемы разграничения смежных составов правонарушений.

По этой причине полагаем, что логика исследования системы охранительных запретов должна включать в себя в первую очередь рассуждения о разграничении составов преступлений и проступков и во вторую очередь — о состоянии и перспективах адекватизации нормативной оценки опасности соответствующих правонарушений.

Проблема разграничения преступлений и административных правонарушений традиционно относится к числу сложных, а ее анализу посвящен значительный массив источников. Не претендуя на всесторонний анализ, выскажем несколько тезисов, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования, сосредоточив внимание на законодательных решениях в части отбора составообразующих признаков правонарушений:

1. В ст. 5.38 КоАП РФ и ст. 149 УК РФ сконструированы смежные составы воспрепятствования осуществлению гражданами своего права на свободу собраний. Притом что, на первый взгляд, критерии их разграничения в законе указаны предельно ясно (наличие насилия, угрозы его применения либо совершение деяния должностным лицом с использованием служебного положения трансформирует проступок в преступление), углубленный анализ рассматриваемых норм свидетельствует об их существенных дефектах.

Во-первых, ст. 149 УК РФ, в отличие от ст. 5.38 КоАП РФ, криминализировала деяния лишь по воспрепятствованию проведению, но не организации публичного мероприятия, притом что ст. 4 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ вполне определенно отделяет действия по организации публичного мероприятия от всех иных действий. В итоге при буквальном толковании закона складывается ситуация, при которой воспрепятствование, в том числе насильственное, организации публичной акции должно расцениваться как административное правонарушение, что явно не соответствует опасности данного деяния.

Во-вторых, хотя диспозиция ст. 5.38 КоАП РФ и не содержит указания на возможность совершения проступка должностным лицом, санкция этой нормы предусматривает для должностных лиц специальное, более жесткое наказание, что закономерно свидетельствует о возможности совершения деликта должностным лицом. И хотя понятия должностного лица в УК РФ и КоАП РФ неидентичны, они во многом пересекаются, совпадают. Кроме того, заметны существенные совпадения в конструкции «использование служебного положения» в ст. 149 УК РФ и «неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей» в ч. 1 ст. 2.4 КоАП РФ, которые выступают общим условием ответственности должностных лиц.

Как следствие, возникает серьезная коллизия норм, препятствующая равной и адекватной оценке противоправных действий должностных лиц. Преодоление ее посредством обобщенных ссылок на необходимость учета общественной опасности действий должностных лиц (в том числе со ссылкой на понятие «грубое нарушение законодательства» [14, с. 175]) не способно разрешить проблемную ситуацию.

В итоге можно сделать вывод, что рассматриваемые деяния разведены по степени опасности недостаточно четко. Исправлению ситуации будет способствовать: 1) включение в диспозицию ст. 149 УК РФ указания на воспрепятствование организации публичного мероприятия; 2) исключение из санкции ст. 5.38 КоАП РФ наказания для должностных лиц.

2. В ст. 20.2.2 КоАП РФ установлена ответственность за организацию не являющегося публичным мероприятием массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, публичные призывы к таким действиям либо участие в них, если массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах повлекли нарушение общественного порядка (ч. 1), а также вред здоровью человека или имуществу (ч. 2). В ст. 212 УК РФ закреплена ответственность за организацию массовых беспорядков, которые сопровождаются среди прочего насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, и участие в этих беспорядках. Очевидно, что указанные деяния тесно пересекаются, в связи с чем разграничение соответствующих составов представляет известную сложность.

Попытки специалистов провести между ними грань на основании формализации размера ущерба, причиненного собственности, и формы вины по отношению к причинению вреда здоровью [там же, с. 204–207] вряд ли могут быть признаны удачными хотя бы потому, что такое толкование не вытекает прямо из текста законов. Конституционный Суд РФ указал, что понятие «массовое одновременное пребывание или передвижение в общественных местах» охватывает собой не любые проводимые в общественных местах мероприятия, а лишь те, что преследуют заранее определенную цель, характеризуются единым замыслом их участников и свободным доступом граждан к участию в них, но не являются публичными по смыслу Федерального закона «О собраниях, митингах,

демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ. При этом наступление ответственности связывается ст. 20.2.2 КоАП РФ с наличием определенных негативных последствий². Ключевой момент в понимании данного состава — цель организации массового пребывания и передвижения граждан в общественном месте. Поскольку организация — это всегда деятельность сознательная, целенаправленная, цель всегда представлена в сознании организатора. Если эта цель изначально деструктивна и предполагает совершение гражданами противоправных действий, связанных с повреждением имущества и причинением вреда гражданам, то различия между ч. 2 ст. 20.2.2 КоАП РФ и ч. 1 ст. 212 УК РФ исчезают. Если же цель лишена таких свойств, то возникает вопрос о возможности вменения организатору не являющегося публичным мероприятием массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах последствий в виде причинения вреда собственности или здоровью, а следовательно, и о наличии самого состава правонарушения. Изучение практики (60 постановлений судов, в которых применена ст. 20.2.2 КоАП РФ³) показывает, что едва ли не все случаи привлечения к ответственности связаны с организацией отдельными лицами зрелищных коммерческих представлений (фотографирование, танцевальные номера, игра на музыкальных инструментах в общественных местах), которые создавали препятствия движению пешеходов и которые квалифицированы по ч. 1 соответствующей статьи. Оставляя в стороне вопрос о конституционности самого такого запрета, выскажем не лишнее, на наш взгляд, оснований суждение о том, что деяния, ответственность за которые установлена ч. 2 ст. 20.2.2 КоАП РФ, в принципе не укладываются в логику данной административно-деликтной нормы, а сама ч. 2 ст. 20.2.2 КоАП РФ создает неоправ-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерстюка Алексея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями части 1 статьи 3.5 и части 1 статьи 20.2.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституц. Суда РФ от 24 окт. 2013 г. № 1721-О. Документ опубликован не был. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision146097.pdf>.

³ Постановления судов по ст. 20.2.2 КоАП РФ «Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка». URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/category/158.html?p=3>.

данную конкуренцию со ст. 212 УК РФ и потому должна быть исключена.

3. Сложные вопросы разграничения преступлений и административных правонарушений возникают при квалификации деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 212 УК РФ. По общему согласованному мнению специалистов, участие в массовых беспорядках заключается в непосредственном совершении действий, их образующих: насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти. При этом столь же единодушно мнение о том, что действия, опасность которых не выходит за пределы ч. 2 ст. 212 УК РФ, охватываются этой нормой, тогда как действия более опасные требуют квалификации содеянного по правилам совокупности [15, с. 315–321; 16, с. 424].

Однако действия, образующие объективную сторону массовых беспорядков, описаны в законе таким образом, что сугубо терминологически охватывают собой как некоторые преступления, так и деяния, за которые установлена административная ответственность, в связи с чем возникает закономерный вопрос о том, могут ли массовые беспорядки, сопровождавшиеся исключительно административно наказуемыми деяниями, квалифицироваться по правилам ст. 212 УК РФ. Некоторые юристы дают на него отрицательный ответ: «Нет состава преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, если массовые беспорядки сопровождались не деяниями, перечисленными в ч. 1 данной статьи, а административными правонарушениями: мелким хулиганством (ст. 20.1 КоАП РФ); уничтожением или повреждением чужого имущества, не повлекшим причинение значительного ущерба (ст. 7.17 КоАП РФ); а также повреждением имущества на транспортных средствах общего пользования, грузовых вагонов или иного предназначенного для перевозки и хранения грузов на транспорте оборудования (ст. 11.15 КоАП РФ), неповиновением законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов Федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный надзор в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, либо сотрудника войск

национальной гвардии Российской Федерации (ст. 19.3 КоАП РФ)» [17, с. 99].

Думается, что к этой позиции стоит прислушаться. В части, характеризующей признаки массовых беспорядков, ст. 212 УК РФ примыкает к ст. 20.2.2 КоАП РФ, которая содержит описание признаков противоправного одновременного массового пребывания граждан в общественных местах. Исходя из содержания этих норм можно установить, что разграничение ч. 2 ст. 212 УК РФ и ч. 1 ст. 20.2.2 КоАП РФ проходит как раз по линии, характеризующей опасность совершаемых организованными массами людей деяний.

4. Некоторая несогласованность уголовного и административно-деликтного законодательства наблюдается при оценке деяний, связанных с оказанием воздействия на деятельность сотрудников правоохранительных органов по пресечению правонарушений и поддержанию общественного порядка. Оставляя в стороне предписания, предусмотренные ст. 317–319 УК РФ, как не имеющие корреспондирующих норм в КоАП РФ, обратимся к анализу оснований ответственности за ненасильственное воспрепятствование деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Анализ выявляет здесь весьма непоследовательный подход законодателя. Так, в ст. 19.3 КоАП РФ определены общие основания ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции и воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей. Однако, согласно ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ, мелкое хулиганство влечет повышенную ответственность, если оно только было сопряжено с неповиновением законному требованию представителя власти, но не связано с воспрепятствованием его деятельности. В уголовном же законе при отсутствии общей нормы об ответственности за сопротивление представителю власти предусмотрена ответственность за массовые беспорядки, если они сопряжены с вооруженным сопротивлением (ст. 212 УК РФ), и возможность усиления ответственности за хулиганство, связанное с сопротивлением (причем не обязательно вооруженным) представителю власти (ст. 213 УК РФ). Упорядочение ситуации требует реализации правотворческих усилий в двух направлениях.

Во-первых, с учетом опасности массовых беспорядков и характера этих действий видится неоправданным ограничение ответственности в ст. 212 УК РФ только за вооруженное сопротивление представителям власти. Полагаем, здесь необходима унификация подходов и по анало-

гии со ст. 213 УК РФ включение в число признаков состава невооруженного сопротивления.

Во-вторых, требуется упорядочить используемые в законе термины «неповиновение», «воспрепятствование», «сопротивление». В советский период законодательство различало ответственность за неповиновение в КоАП и ответственность за сопротивление в УК РСФСР. При этом неповиновение мыслилось традиционно, как отказ от исполнения требований сотрудника правоохранительных органов, а сопротивление — как активное противодействие осуществлению им своих полномочий⁴. В действующем законодательстве общая норма об уголовной ответственности за сопротивление представителю власти (без признаков применения насилия к нему) отсутствует, но при этом КоАП РФ пополнен предписанием об ответственности за воспрепятствование деятельности сотрудника правоохранительных органов. Вопрос о том, является ли понятие «воспрепятствование» идентичным понятию «сопротивление», практически не затрагивается в источниках [18]. Нам представляется, что поиск каких-либо отличительных признаков в данном случае лишен практических оснований, а потому полагаем возможным согласиться с мнением о том, что понятие «воспрепятствование» выступает нормативным отражением ненасильственных активных действий, связанных с сопротивлением [19, с. 48].

Тут, однако, возникает иная проблема: насколько адекватно законодатель оценил

сопротивление сотруднику правоохранительных органов как административно наказуемое деяние. Некоторые специалисты поддерживают такое решение и для снятия возможных правоприменительных проблем предлагают закрепить понятие сопротивления в КоАП РФ [20, с. 9–10]. Другие же со ссылкой на отечественный исторический опыт и современное законодательство некоторых стран СНГ (ст. 217 УК Узбекистана, ст. 363 УК Беларуси) предлагают дать иную оценку активному противодействию представителю власти или иному лицу при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка и установить за это деяние уголовную ответственность с последующей ее дифференциацией в зависимости от факта наличия и объема применяемого при сопротивлении насилия [19, с. 49–50]. Думается, что этот вариант оптимизации законодательства в современных условиях выглядит наиболее предпочтительным.

В заключение следует отметить, что разграничение составов преступлений и административных правонарушений, связанных с описанием проявлений демонстративно-протестной преступности, отражает, если допустимо так выразиться, проблему статистического взаимодействия охранительных отраслей права. Наряду с ней в последнее время повышенную актуальность приобрела проблема динамики административной и уголовной ответственности, нормативным воплощением которой стал институт административной преюдиции. В самом общем виде он может быть определен в качестве специального подхода законодателя к конструированию оснований публично-правовой ответственности, при котором впервые совершенное общественно опасное деяние влечет за собой применение мер административной ответственности, а последующие аналогичные деяния служат основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Однако этот комплекс вопросов будет рассмотрен в рамках дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев М.М. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Юрлитинформ, 2017. — 696 с. — EDN YQWKOD.
2. Дурманов Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1948. — 311 с.
3. Марцев А.И. Общественная вредность и опасность преступления / А.И. Марцев. — EDN TKRVMZ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2001. — № 4 (237). — С. 148–155.
4. Кобзева Е.В. Критерии общественной опасности деяния, учитываемые при дифференциации уголовной и иных видов юридической ответственности / Е.В. Кобзева. — DOI 10.24411/2227-7315-2020-10174. — EDN WEKIAL // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 6 (137). — С. 207–215.

5. Рожнов А.П. Проблемы обеспечения юридической справедливости при межотраслевой дифференциации юридической ответственности / А.П. Рожнов. — DOI 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.15. — EDN YTXNKY // Logos et Praxis. — 2017. — Т. 16, № 4. — С. 134–141.
6. Лобанова Л.В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности / Л.В. Лобанова. — DOI 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.14. — EDN WCAKAX // Logos et Praxis. — 2017. — Т. 16, № 4. — С. 126–133.
7. Гузеева О.С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ / О.С. Гузеева. — DOI 10.17803/17295920.2021.172.3.095-106. — EDN AUCUCT // Lex Russica. — 2021. — Т. 74, № 3. — С. 95–106.
8. Храмова Т.М. Ограничения конституционной свободы собраний: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Т.М. Храмова. — Москва, 2015. — 31 с.
9. Коротченко Д.А. Организация административно-правовой охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д.А. Коротченко. — Хабаровск, 2006. — 23 с.
10. Ярыгин И.И. Административная ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения публичных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / И.И. Ярыгин. — Москва, 2015. — 23 с.
11. Петрова Т.А. Административно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму в молодежной среде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.А. Петрова. — Москва, 2009. — 29 с.
12. Прокофьев К.Г. Административная ответственность за нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / К.Г. Прокофьев. — Москва, 2014. — 23 с.
13. Солодов И.А. Административно-правовое регулирование предупреждения и пресечения групповых нарушений общественного порядка при проведении публичных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / И.А. Солодов. — Москва, 2010. — 21 с.
14. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / ред. Ю.Е. Пудовочкин, Н.И. Пикуров. — Москва : Изд-во РГУП, 2017. — 479 с.
15. Боровиков В.Б. Квалификация по совокупности преступлений против общественной безопасности и общественного порядка / В.Б. Боровиков // Совокупность преступлений: проблемы теории и практики квалификации / ред. Ю.Е. Пудовочкин. — Москва, 2016. — Гл. 3.3. — С. 297–324.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко ; науч. ред. А.С. Михлин. — Москва : Спарк, 2000. — 862 с.
17. Боровиков В.Б. Вопросы разграничения массовых беспорядков с административными правонарушениями / В.Б. Боровиков, В.В. Боровакова. — EDN WUSREG // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 5. — С. 98–101.
18. Дубровин А.К. О разграничении форм противодействия сотруднику милиции / А.К. Дубровин. — EDN ONTYOZ // Общество и право. — 2008. — № 2 (20). — С. 260–263.
19. Рябченко О.Н. О соотношении уголовного и административно-деликтного законодательства в части ответственности за противодействие представителям власти / О.Н. Рябченко. — EDN ZGURXS // Общество и право. — 2017. — № 3 (61). — С. 46–50.
20. Дубровин А.К. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А.К. Дубровин. — Москва, 2008. — 24 с.

REFERENCES

1. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Russian Criminal Policy and Criminal Law: an Experience of Critical Analysis*. Moscow, YurLitinform Publ., 2017. 696 p. EDN: YQWKOD.
2. Durmanov N.D. *The Concept of Crime*. Moscow, the USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 315 p.
3. Martsev A.I. Social Harm and Danger of an Offence. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence*, 2021, no. 4, pp. 148–155. (In Russian). EDN: TKRVMZ.
4. Kobzeva E.V. Criteria of Public Danger of Action Taken into Account in the Differentiation of Criminal and other Types of Legal Liability. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2020, no. 6, pp. 207–215. (In Russian). EDN: WEKIAL. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10174.
5. Rozhnov A.P. The Problems of Ensuring Legal Justice in Interbranch Differentiation of Legal Liability. *Logos et Praxis*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 134–141. (In Russian). EDN: YTXNKY. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.15.
6. Lobanova L.V. Measure of Social Danger of the Act as the Basis for Interbranch and Branch Differentiation of Legal Liability. *Logos et Praxis*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 126–133. (In Russian). EDN: WCAKAX. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.14.
7. Guzeva O.S. Social Danger of the Crime: Constitutional Law and Criminal Law Analysis. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 3, pp. 95–106. (In Russian). EDN: AUCUCT. DOI: 10.17803/17295920.2021.172.3.095-106.
8. Khranova T.M. *Limitations of the Constitutional Freedom of Assembly: a Comparative Legal Analysis*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2015. 31 p.
9. Korotchenkov D.A. *The Organization of Administrative-legal Protection of Public Order and Provision of Public Security during Mass Events*. Cand. Diss. Thesis. Khabarovsk, 2006. 23 p.
10. Yarygin I.I. *Administrative Responsibility for Violating the Established Order of an Organization or Conducting Public Events*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2015. 23 p.
11. Petrova T.A. *Administrative-legal Basis for the Work of Internal Affairs' Bodies to Counteract Youth Extremism*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2009. 29 p.
12. Prokofev K.G. *Administrative Liability for Violating Laws on Assemblies, Meetings, Demonstrations, Parades and Pickets*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 23 p.

13. Solodov I.A. *Administrative-law Regulation of Preventing and Suppressing Group Disruptions of Public Order during Public Events. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2010. 21 p.
14. Pudovochkin Yu.E., Pikurov N.I. (eds.). *Interaction Between Criminal and Administrative-delict Law*. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2017. 479 p.
15. Borovikov V.B. Qualification on the Aggregate of Crimes Against Public Security and Public Order. In Pudovochkin Yu.E. (ed.). *Aggregate of Crimes: Problems of Theory and Practice of Qualification*. Moscow, 2016. Chap. 3.3, pp. 297–324. (In Russian).
16. Radchenko V.I., Mikhlin A.S. (eds.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Spark Publ., 2000. 862 p.
17. Borovikov V.B., Borovikova V.V. Issues of Delimitation of Riots with Administrative Offenses. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 5, pp. 98–101. (In Russian). EDN: WUSREG.
18. Dubrovin A.K. On the Delineation of Forms of Resisting a Police Officer. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2008, no. 2, pp. 260–263. (In Russian). EDN: ONTYOZ.
19. Ryabchenko O.M. On the Correlation of Criminal and Administrative-Tort Legislation in the Part of Responsibility for Opposing the Authorities. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2017, no. 3, pp. 46–50. (In Russian). EDN: ZGURSX.
20. Dubrovin A.K. *Administrative Liability for Disobeying a Lawful Order or Demand from the Police Officer. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2008. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Илья Сергеевич — начальник Управления Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: isilyin@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1362-0519.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilyin, Ilya S. — Head, Department of the Russian Ministry of Internal Affairs in Krasnogvardeisky District of Saint Petersburg, Ass. Professor, Chair of Legal Studies, Northwestern Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: isilyin@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1362-0519.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ильин И.С. Разграничение составов преступлений и административных правонарушений, совершаемых во время проведения протестных акций / И.С. Ильин. — DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).13-21. — EDN NGIKRE // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 13–21.

FOR CITATION

Ilyin I.S. Distinguishing Between Crimes and Administrative Offenses Committed During Protest Actions. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 13–21. (In Russian). EDN: NGIKRE. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).13-21.